

Виктория
РАДЕЦКАЯ

Запретные связи

ИЗМЕНА

18+

Виктория Радецкая

Запретные связи. Измена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70970662

SelfPub; 2024

Аннотация

"...Я продолжала идти. Если бы мой мозг быстро осознал, что происходит в комнате, я бы, скорее всего, сбежала. Мне не нужны были бы доказательства неверности. Я бы развернулась и ушла. Но я продолжала идти. Туда, где меня ожидает сразу три удара. По самым уязвимым местам. Крик застревает в горле. Я никак не могу защититься от того, что вижу. Для этого надо было бы ослепнуть!.. Моя жизнь катится ко всем чертям! Уничтожено всё – мой дом, моя будущая карьера. Моя любовь растоптана.

Я стою на краю пропасти – один шаг, и я окажусь на самом дне. Только в моих силах уйти прочь. Попробовать всё выстроить заново. И как же хочется, чтобы рядом было крепкое мужское плечо... Но как среди предателей вычислить того, кто на самом деле меня любит?"

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Меж двух огней. Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	53
Глава 7	63
Глава 8	72
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Виктория Радецкая

Запретные связи. Измена

Пролог

Я стою и смотрю на пылающий дом. Меня бьет дрожь. Холодно, а я в коротенькой ночной рубашке. Мне страшно. Я выжила. Успела выбежать на улицу...

Осенний дождь противно затекает под тонкую ткань. Скоро рубашка станет совсем мокрой.

Я дрожу все сильнее. Как сквозь вату до меня доносятся звуки: сирены, крики людей, которым наплевать на мой дом – они пришли поглазеть. Мне зачем-то постоянно задают вопросы, на которые у меня нет ответов. Кто-то накидывает на меня куртку – вроде пожарный свою пожертвовал. Но теплее не становится. С волос капает, а я вчера у парикмахера была. Прическе капец. Хотя какая тут прическа! О чем я думаю!..

Это дом родовой. Как замок в сказках. Мне в нем доверили жить, а я не уберегла. Я не пойму – слезы у меня катятся по лицу или дождь. Никакой принц не скачет на своем белом коне спасать. И туфельки не помешали бы – стою в смешных, мохнатых тапках. Они жалко хлюпают по лужам и потеряли весь свой забавный вид.

– Скажите адрес. Мы вас отвезем, – слышу чей-то голос. –

К родителям отвезти? К друзьям?

Нет, меня некуда везти. Я не хочу отсюда вообще двигаться. Я хочу смотреть на языки пламени, которые уничтожают мой дом. На фоне ночного неба очень красиво уничтожают. И моя жизнь также уничтожается. Выгнали из универа, теперь выгнали из дома.

Неожиданно рядом слышу визг тормозов. Кого принесло? Может позвонили брату? Нет, этого подонка хотелось бы увидеть в последнюю очередь.

– Девушка, – мужской голос звучит нагло. Я даже не оборачиваюсь. – Я к тебе обращаюсь. Эй! – Слышны приближающиеся шаги. – Ты тут так и будешь стоять полуголая? – голос становится все более настойчивым и менее вежливым. – Эй, мокрая! Твой дом что ли горит? Повернись, я к тебе обращаюсь, задохлик!

Я поворачиваю голову. Передо мной стоит мужчина. Он повыше меня, хотя во мне целых сто семьдесят сантиметров. Нет, не худой – таких мама называет «жилистый». Но такое ощущение, что надо мной гора нависла. Наверное, из-за голоса. Мне сейчас не до анализа.

– Задохлик, ты вообще себя видишь со стороны? Короче, в машину давай. Ты там кто в том доме? Домработница? Сама виновата? Садись, поехали. Потом разберемся, что ты тут напортачила.

Хочу сказать, что я хозяйка этого дома. Я даже перестаю на минуту дрожать от страха и холода. Вот сволочь! Домра-

ботницу нашел!

А он меня пытается тащить к машине — схватил за локоть и тащит. Я замечаю дорожную ткань его костюма, запонки, ухоженные ногти. Тьфу! Ага, еще старается лужи обходить — еще бы, ботиночки тоже, уверена, дорогие. Но тащит так, что не вырвешься. Руки сильные.

— Отпустите, — я хочу крикнуть, чтобы заметили пожарники, зеваки, собравшиеся поглазеть на пожар, но способна лишь шептать. — Куда вы меня тащите?

Теперь он вообще не отвечает. Хуже того, хватает меня за талию и перебрасывает через плечо, как мешок. Меня обдаёт дорогим парфюмом. Я брыкаюсь, растворяясь в этом запахе. И он не даёт сопротивляться более эффективно.

— Угомонись! — мужик уже рычит. — У тебя ноги грязные. Золушка, блин! Кончай ногами сучить!

Я в последний раз пытаюсь его лягнуть, но он уже меня запихивает в машину. Тут пожарный замечает наконец, что меня похитили.

— У вас все в порядке? — спрашивает он устало и участливо одновременно. — Это ваш знакомый?

Меня почти полностью запихнули в машину, но я пытаюсь оттуда крикнуть: нет, не в порядке, незнакомый мужчина меня похищает! Но незнакомец слишком шустрый. Он опережает все мои попытки. Стягивает с меня куртку, захлопывает дверцу.

— Знакомый, — он отдаёт куртку пожарному. — Спасибо. —

И быстро садится за руль на переднее сиденье.

Я на заднем тоже принимаю сидячее положение.

– Может скажете все-таки, кто вы? – мне уже не хочется вылезать из машины: в ней тепло и завораживающе пахнет парфюмом моего похитителя.

– Всему свое время, задохлик, – он выворачивает руль и выезжает на дорогу. Одной рукой рулит, второй вытряхивает из пачки сигарету. Щелкает зажигалкой. – Извини, закурю.

Как странно от него слышать «извини» – он знает такое слово?!

– Пытаюсь бросить, и никак, – продолжает он.

Машина заполняется запахом дыма, который смешивается с его парфюмом. Я пытаюсь воспользоваться его извинением и опять бормочу, что меня надо выпустить. Он резко сворачивает к обочине и бьет по тормозам. Я чуть ни падаю с сиденья. Руками вцепляюсь в передние кресла, но голова все равно оказывается между ними. Чем он тут же пользуется: поворачивается и хватает за волосы, поднимая голову так, что я смотрю теперь прямо ему в глаза. Оказывается, они у него зеленые. Редкого, изумрудного цвета. А вот темные волосы чуть вьются – я замечаю коротенькие завитки у шеи. Но мое исследование его внешности прерывают.

– Первое, – чеканит он, – ты мокрая, полуголая. Второе, ты чего-то там наделала в доме. И случился пожар. Даже если ты не виновата, хозяева свалят на тебя, чтобы без проблем оформить страховку. Третье! Отсидишься у меня. Утром ре-

шим, что с тобой делать.

С ним бесполезно разговаривать. Да и сил сейчас нет уже ни на что. Я откидываюсь на спинку сиденья. Буквально через пять минут мы оказываемся у глухого, высокого забора. Ворота открываются, и машина, шурша резиной по гравийной дорожке, подъезжает к входу в огромный особняк.

Дом всего в два этажа. Но он раскинулся вширь так, что и непонятно, где заканчивается. Все окна темные. Только внизу в одном из помещений горит свет.

На улицу выходит мужик в ливрее. Ого, как в кино про какую-нибудь Англию!

Он открывает дверь моему похитителю. Потом мне. Я шлепаю мокрыми тапочками к двери.

– Снимай! – опять мной командуют, да что ж такое-то! – Не проходи в этом в комнату. Все снимай здесь. Тапки свои, ночнушку. Или что это на тебе надето... Митрич, – он обращается к мужику в ливрее, – никого не буди, пусть спят. Принеси ей халат из гостевой ванны. Пусть туда идет, примет душ. Потом там в гостевой пусть и спит.

Меня бьет озноб. Я обнимаю себя, стараясь согреться. Даже зубы начинают стучать.

– Тебе сказали – раздевайся. Ты что, задохлик, вообще русскую речь не понимаешь? Приезжая? А на вид наша... Учить язык надо. Первым делом, как приехала, учи язык!

«Митрич» возвращается с пушистым, белым халатом и тапками, которые обычно дают в гостиницах. Я отхожу к сте-

не. Стягиваю мокрую рубашку и быстро влезаю в халат.

– Пошли, провожу, – мужик в ливрее тоже не блещет знаниями этикета.

Хотя, если они меня принимают за приезжую, нанявшуюся убираться в богатом доме, то их манеры в общем-то понять можно.

В душе я согреваюсь. Обмотавшись огромным, теплым полотенцем, иду в постель. Проваливаясь в сон, успеваю подумать: «С какого момента все пошло не так?» Уничтожено всё – мой дом, моя будущая карьера. Моя любовь растоптана. И теперь я лежу в кровати в чужом доме, у незнакомого мужчины.

У меня большая семья: предки, братья, сестры, тёти, дяди. Даже муж есть... При мысли о муже я снова начинаю дрожать. Закутываюсь сильнее в одеяло.

Пожалуй, все началось с деда. Мой дед, крутой олигарх, владелец одной из крупнейших компаний в России, вызвал тогда всех нас для важного разговора...

Часть 1. Меж двух огней. Глава 1

Год назад

Нас обзванивает его личный помощник. Мы привыкли, что дед сам никогда не звонит. Даже в день рождения сначала в трубке раздается холодный, официальный голос Сергея:

– Здравствуйте, Карина! Вениамин Арнольдович хочет вас поздравить. – И чаще всего включает громкую связь, чтобы дед вообще не напрягался и не сильно отвлекался.

С другими праздниками деду должны поздравлять мы. Тут уж он совсем себя не утруждает. На самом деле, дед – трудоголик. Не утруждает он себя только личными, семейными делами. Со своим бизнесом готов возиться все двадцать четыре часа в сутки...

Короче, никто ничего не подозревал. Конечно, нас всех дед вызывает крайне редко. В основном, подписать бумаги. Формально это называется собранием акционеров. Но в тот день, год назад, явно что-то пошло не так. С самого начала мероприятие было окутано таинственностью. Даже моя мать ничего не знала. И вызвали нас не в офис, а домой, в дедов особняк, стоящий на берегу огромного подмосковного озера. Вроде так близко нельзя строиться, но деду можно все.

Меня проводят в гостиную. Там уже сидят мои родственники: бабушка, мама с папой, мамины оба брата, моя старшая сестра Ольга. Пока нет моего брата Егора и младшей сестры Арсении (ей не повезло, ждали мальчика – в итоге такое имечко). Еще отсутствует папина сестра и нынешняя жена деда, которую все ненавидят. Также нет моих двоюродных. Нет вторых половин маминых братьев и Ольги. Моего жениха нет, но я знала, что его не звали.

Егор врывается, как всегда, с шумом. Мужчинам пожимает руки, женщинам – целует.

– Чего стряслось-то? Времени нет. Чего там подписывать? Почему не в офисе?

Ему не успевают ответить. Входит Арсения. Брату двадцать восемь, Арсении девятнадцать. Он по образованию юрист. Не работает. Формально числится у деда, но в офисе практически не появляется. Его терпят, понятно, благодаря деду. Она уже третий универ бросает и в данный момент не учится. Естественно, не работает.

– А где Катерина? – не перестает задавать вопросы брат. Не дожидаясь ответа, направляется к буфету.

Мама говорит, что в детстве у Егора была гиперактивность. Но, мне кажется, она у него никогда и не заканчивалась – он вообще не сидит на месте. Дед вечно шутит:

– К твоей бы ноге динамо-машину, цены бы тебе не было...

Егор открывает дверцу буфета.

– Кому еще плеснуть?

– Смотря сколько нам ждать. Ничего ж не говорят, – ворчит папа. Ему некомфортно с дедом. И у деда тоже. Что дома, что в офисе.

– Пап, какая разница? Чего тебя дед со стаканом не видел?

Видел, понятное дело. Папа у нас пьющий. Поэтому со стаканом его видели все и часто.

– Там шампанское есть? – растягивая слова, спрашивает Арсения.

– Дурочка, оно в холодильнике. Или ты теплого хочешь? – Егор продолжает ехидничать. Себе он наливает виски.

– Ну пусть принесут, – надувает губы моя младшая сестра. Ей и ботокса не надо: губы и так пухлые.

– Человек, эй, человек! – брат прислугу называет «человек», даже если это женщина. Ему сколько ни говори, что надо бы повежливее – бесполезно.

Тут же в комнату заходит Макс. Мы знаем, что он обычно стоит за дверью и ждет сигнала. Сигнал подан.

– Человек, принеси для Арсении шампанского. – Егор окидывает нас взглядом. – Кому чего еще? Давайте ваши заказы.

– Я буду красное, – произносит мама. – А отцу не наливай. Не стоит.

– Мне розового принесите, пожалуйста, – прошу я вежливо Макса. Уверена, оно тоже в холодильнике.

Собрав заказы, Макс удаляется.

– Так что нас собрали-то? И где Катька? – не отстаёт Егор.

– Не называй ее так, Егорушка! – наша бабуля ангел во плоти.

Дед пять лет назад познакомился с Катериной и развелся с бабулей. Бабушка осталась в их старом доме, а для новой семьи дед построил вот этот, здоровый замок на берегу озера.

Катерине тридцать. Она бодра и весела. Иногда я думаю, что мозгов у нее нет. Но судя по тому, как она быстро окрутила деда, мозги вполне себе присутствуют в ее голове.

– Никто не знает, Егор, – отвечает мама сразу на оба вопроса.

На самом деле, дедов помощник точно знает причину сбора. Уверена, он и где Катерина знает. Только нам не говорит. Он всех проводит в гостиную и тут же уходит.

Иногда мне кажется, что Сергей не человек, а киборг, которого запрограммировал дед. Единственная его эмоция – это нелюбовь к нам. Ну еще безумная преданность деду.

И как только я подумала о Сергее, как дедов помощник материализуется в комнате. Он смотрит на каждого из нас, словно пересчитывает. Так и есть:

– Все собрались, господа. Я вас попрошу пройти в другую комнату. Но прежде должен предупредить: Вениамин Арнольдович не здоров. Поэтому ему придется вас принять в спальне. Не совсем в обычной обстановке.

– Что произошло? – вскрикивает бабушка.

– Инсульт, – кратко отвечает Сергей. – Пройдемте.

Он не дает возможности засыпать себя вопросами. Мы знаем, где спальня, но понуро плетемся за ним.

Дед величественно возлежит на подушках. Рядом сидит Катерина и промокает сухие глаза платком. Нам сесть в спальне некуда, и мы, как идиоты, толпимся вокруг кровати.

– Венечка, как же так?! – бабуля садится на край постели на правах первой жены.

– Да, папа, как это случилось? – верещит моя мама.

Дед морщится.

– Помолчите, бабы, – произносит он слабым, скрипучим голосом. – Мне и так тяжело говорить. Инсульт. Вам уже Сергей сказал. Откачали. Двигаться не могу. А вот речь быстро восстановилась. Хотя, видите, тоже не ахти, – дед замолкает. Видно, что слова ему даются с трудом. Мы молчим, давая ему собраться с силами. Знаем его: сейчас если кто чего скажет, несмотря на инсульт, приложит так, что мало не покажется. – Итак, врачи мне дают мрачные прогнозы. В любом случае, работать пока я не могу. Поэтому...

Мы в шоке. Дед казался вечным.

– ...я должен выбрать наследника. А вас многовато, – пытается улыбнуться, но мимика ему не подчиняется. – Вот когда понимаешь, что детей надо рожать поменьше.

Ага, шутит. Дед часто говорит, что надо было не троих рожать, а одного, зато качественного.

– Короче. Объявляю среди вас соревнование. Сначала

думал провести предварительный отбор. Как говорится, из лонг-листа сделать шорт. Но решил, что участвовать вы можете все. Все, кто присутствует в этой комнате. Даже ты, Анют, – обращается он к бабуле. – Но тебя-то я обеспечу в любом случае, сама знаешь. А вот остальным придется постараться. Кто-то из вас унаследует мою империю. С этого дня я объявляю чемпионат. Почти мировое первенство.

Сколько себя помню, дед всегда любил спорт. Ага, мы вляпались. У него хобби такое – постоянно устраивать конкурсы, марафоны, соревнования. В компании и в семье. Теперь мы посоревнуемся за его капиталы...

Сейчас

Я заснула, вспоминая ту встречу год назад. И просыпаюсь с этим воспоминанием. Но меня быстро выдергивают из прошлого – дверь распахивается, и в комнату заходит вчерашний похититель.

Я до подбородка натягиваю одеяло. Заснула замотанная в полотенце, но за ночь оно с меня слезло и где-то теперь валяется.

– Проснулась? Ну отлично! Вставай. Пойдем завтракать, и ты мне расскажешь, что там с тобой вчера случилось. В том доме, знаю, жила пожилая женщина. Бывшая жена нашего олигарха. Судя по всему, ее там вчера не было. Короче, вставай. Побыстрее шевелись.

Я бы встала, но я голая. Мне и надеть-то нечего. Халат, вроде, в ванной.

А он стоит и ждет.

Пытаюсь сползти с кровати вместе с одеялом.

– Ой, блин, какие мы стеснительные! Так, а ведь у тебя ничего нет из одежды...

Надо же, догадался. Я стою, как идиотка, прижав к себе одеяло.

– Ладно, иди пока умойся. Я Митрича попрошу что-нибудь тебе подобрать.

Он уходит, а я быстро бегу в ванну. Когда выхожу, то обнаруживаю на постели спортивные штаны на резинке и явно мужскую футболку. Так, трусов на мне не было, лифчика тоже. Придется надевать без белья. На штанах сильно затягиваю шнурок.

Встаю перед зеркалом. М-да, видок!

Залезаю в отельные тапки и выхожу. В доме тихо. Но тут же из-за угла выныривает Митрич.

– Пошли.

Он ведет меня в столовую. Похититель уже сидит за столом.

– Бери вон с того стола, чего хочешь. У нас за завтраком самообслуживание.

Я кладу на тарелку омлет, поджаренный бекон и нарезанный помидор.

– Итак, слушаю внимательно, – говорит похититель, когда

я сажусь напротив него. – Не торопись. Но жду честный рассказ. Иначе, придется сдать тебя полиции. А если ты еще и незаконно тут, то мало тебе не покажется. Расскажешь честно, оставлю тебя. С полицией улажу. Я тебе помогу, ты мне вполне подходишь. У тебя регистрация есть? Ты россиянка?

Я на него выпучиваю глаза – конечно, я россиянка! И что значит – я ему подхожу?!

– Не, да не смотри ты так. Блондинка, глаза голубые. Если бы ты выглядела иначе, я бы тебя сюда не привез. Ну?

И тут я понимаю, что вчера выскочила на улицу без документов. Тогда вообще не до того было. Понятно, что они сгорели. Звонить кому-то? Пожалуй, нет. Пока я все не выясню, пусть меня считают пропавшей, погибшей... Не знаю, чего они там подумают. Телефона, кстати, тоже нет. А я ни одного номера не помню наизусть.

– Слушай, да не придумывай ты историю! Я же вижу, что ты пытаешься выкрутиться. Не надо! – мой собеседник медленно намазывает на тост масло, как будто точит топор для казни. – Мне врать не нужно. Не рекомендую.

Я набираю в легкие побольше воздуха. Решение принято.

– Паспорт у меня сгорел. Я не успела взять документы. Но я россиянка. Приехала подработать. В пожаре не виновата, – произношу я на одном дыхании. Первая половина истории правда, вторая – только что придумана по ходу дела.

– Ага, вот молодец. Ты у той бабули работала получается?

– Нет, – бабушку недавно увезла к себе моя мама из-за

плохого самочувствия. А меня заселили в ее дом. То есть, я работала сама на себя? – у ее внучки.

Глава 2

Ну вот – как обычно, я сначала сказала, потом подумала о последствиях. Такой у меня дурацкий характер. Но мне же не дали времени сообразить! И этот мужчина, как гипнотизер, сбивает с мысли!

– Так, а внучка где была во время пожара? Наверное, тусить уехала? Золотая, твою мать, молодежь! – Он откусывает свой тост, демонстрируя белоснежные, ровные зубы. Интересно, свои такие? Боже, боже, боже! О чем я думаю! Какая разница!

– Да, наверное, тусить. Мне же не докладывают, – блею я неуверенным голосом.

– Понятно. Значит, пиши мне свои имя, фамилию. Ну да, и отчество. Попрошу выправить тебе паспорт. Ты россиянка, значит, есть в базе. Ничего не натворила? А? Не привлекалась?

Мне приходится взять себя в руки, чтобы не нахамить в ответ.

– Нет.

– Хорошая девочка. Молодец. Ты мне нравишься все больше. Митрич, дай ей листок какой-нибудь! – рявкает он. Я чуть ни подсказываю.

Рядом с тарелкой Митрич кладет открытый блокнот и ручку. Блокнот в кожаной обложке, листы из мелованной бу-

маги – дорогой. Хочу посмотреть, что написано на обложке, но под пристальным взглядом хозяина дома боюсь сделать лишнее движение.

– Пиши. Чего ты такая отмороженная? Понятно, у тебя шок. Но я ж сказал, что помогу. Будешь пайнкой, и все будет в порядке.

Я начинаю писать. Соврать? Нет, тогда меня не найдут в базе. А всех туда заносят? А если человек не регистрировался в госуслугах?

Пишу: «Карина». Так, а как он узнает, кто я? Никак. Фамилия у меня по мужу – мы еще не развелись. Бывшая фамилия по папе, его же отчество. В общем, узнать, чья я внучка, непросто.

– Написала? Отдай Митричу.

– А как вас зовут, можно спросить? – лепечу я.

– Спросить можно, получишь ли ответ – не факт, – он смеется, вытирая рот салфеткой. Нет, не бумажной. Это лен. Я уж в этом разбираюсь. На столе скатерть в тон, явно комплект. – Игорь меня зовут. Этого тебе достаточно. Всё, Митрич, кофе в кабинет. Мне пора.

Он бросает салфетку на тарелку, словно она в чем-то виновата, резко встает и выходит из столовой.

Я доедаю свой омлет. Кофе мне никто подавать не будет, но я вижу кофейник на грелке – чтобы не остывал. Грелка фирменная, дорогая и «умная» – сама выставляет температурный режим, отключается, когда надо, включается.

Наливаю кофе. Замечаю, что за мной следят. Митрич видит, чем я занята, и снова исчезает в дверном проеме.

В доме стоит странная, гнетущая тишина. Во что я вляпалась? Я снова вспоминаю тот день...

Год назад

Дед тяжело вздыхает.

– Всё, идите. Условия вам огласит Сергей.

Каждый из нас напоследок желает деду выздоровления:

– Выздоровливай, папочка!

– Дедуль, держись!

– Вениамин Арнольдович, берегите себя!

С этими, по большому счету, пустыми словами мы выходим за дверь. Судя по дедовой кислой физиономии, мы ему успели надоесть. Нас просят пройти обратно в гостиную.

– Печальное, конечно, событие, – Егор снова наливает себе виски, – но наш дед не юноша, плюс нервная работа. Вполне ожидаемо.

На него все шикают.

– А чего вы шипите? Вы думали, он будет вечным? Я вот не думал. Однако сюрприза в виде соревнования за его наследство не ожидал. Вот о чем нам надо думать! Только бабе Ане повезло. Интересно, Катьке тоже в любом случае денег отвалят?

– Егорушка, не будь таким злым! – бабуля качает головой,

словно отчитывает не почти уже тридцатилетнего мужика, а пятилетнего болвана.

– Господа, попрошу внимания. Мне нужно зачесть вам условия, которые для вас прописал Вениамин Арнольдovich! – дедов помощник встал у буфета и старается обращаться ко всем, хотя мы, как нарочно, расселись по разным углам гостиной. Мы замолкаем. – Итак, каждый из приглашенных сюда имеет право вступить в соревнование на право наследования компании, а также иных активов. Нельзя передавать это право отсутствующим сейчас здесь членам семьи или будущим членам семьи. Важно отметить, что некоторые из вас в любом случае будут обеспечены согласно завещанию Вениамина Арнольдovichа.

– Кто? – вскрикивает мама.

– Это будет оглашено только после смерти Вениамина Арнольдovichа.

– Господи упаси! Дай ему Бог долгих лет! Я уверена, он оправится, – бабушка говорит искренне, я уж знаю. Измена деда и развод никак не повлияли на ее к нему отношение. Мне кажется, она к деду относится, как к отцу или брату. Наверное, после стольких лет совместной жизни это логично.

Сергей делает вежливую паузу и продолжает:

– Анна Васильевна, понятно, включена в список наследников. Вам не нужно включаться в соревнование. Вас, Анна Васильевна, позвали, так как вы должны быть в курсе событий.

– Спасибо, – бабуля поджигает губы: еще бы ее не позвали. Она не так проста, как кажется наша бабуля. Проживите столько с дедом, пройдя через массу испытаний, и вы тоже, при внешней мягкости, будете как камень.

– Так что делать-то надо? – Егор презрительно смотрит на Сергея.

Думаю, он уверен в том, что компания останется за ним. Старшему брату мамы пятьдесят пять. Он профессор, давно преподает. Понятно, что ему компания нафиг сдалась. Младшему брату мамы – сорок. Он книжки пишет и издает их за свой счет. Точнее, за счет деда. Понятно, что ему компанию не оставят. Поэтому Егор считает, что он является первым в праве наследования. Женскую половину нашей семьи, как настоящий антифеминист, брат в принципе не рассматривает.

– Каждый из тех, кто хочет участвовать в соревновании, должен выбрать себе любую работу в компании. Кто не захочет, кроме Анны Васильевны, рискует остаться ни с чем. Правда, и участникам тоже ничего не гарантируется. Они должны доказать свое право на компанию. Итак, вы выбираете любую позицию, любую должность, – Сергей откашливается, – хоть уборщика. По итогам каждой недели Вениамин Арнольдович будет принимать доклады о ваших успехах. Критерий один – процветание компании. Вениамин Арнольдович разработал гибкую систему оценки. Кто-то будет уходить в плюс, кто-то в минус...

– Рейтинг, короче. Как у студентов, – подает голос мой дядя профессор.

– Да, совершенно верная аналогия, – кивает Сергей.

– Хорошо, а если дед помрет посреди соревнования? – ухмыляется Егор. – Кто будет решать нашу судьбу?

– У нотариуса все распоряжения на этот счет. У кого будет выше... э-э-э... рейтинг, тот и выигрывает. Ваш дедушка надеется продержаться подольше, чтобы оценка была максимально объективной. Срок для соревнования установлен в год. Это максимум. Если Вениамин Арнольдович будет достаточно крепок, он может и вернуться к непосредственному руководству компанией. Но наследник будет выбран и займет руководящий пост. Пока все решения принимаются правлением. Естественно, их согласуют с Вениамином Арнольдовичем.

Сергей кладет на стол распечатанные листки с условиями соревнования.

– Для вас сейчас накроют ужин. Это распоряжение Вениамина Арнольдовича. Не расходитесь.

– Господи, ведь кусок в горло не полезет после такого! – говорит мама.

Она явно волнуется, ведь мой папа работает у деда за зарплату. Большую зарплату, но это несравнимо с наследством и бонусами акционеров. Если бы он не пил, то мог бы продвинуться. Но его время давно ушло. Дед папу откровенно презирает: «Все, на что ты способен, – это детей строгать».

Мама не работает. Она окончила когда-то театральный, вопреки воле деда. Играла в эпизодах. Иногда ее по-прежнему приглашают в сериалы. Крайне редко и платят копейки. А жить мама привыкла широко.

– Ничего, как-нибудь справимся с куском. У деда отлично кормят, – встревает брат.

Еще бы! Наш дед – владелец сети ресторанов и кофеен премиум класса, плюс кейтеринг. Еду к нему домой доставляют из московских заведений. Каждый день из разных – наугад, чтобы никто не мог подготовиться. Причем, анонимно – заказ забирается из ресторана кем-нибудь из прислуги. По регионам дед ездит лично. Тоже без предупреждения заявляется в ресторан или кофейню. Сейчас, правда, ему не до путешествий...

– Ну, кто кем будет работать? – Егор отпивает виски и наливает снова. Мама боится, что он много пьет, и папины гены его погубят. – Давайте, давайте, колитесь. Вот ты, Карина, куда пойдешь? Ах, у тебя ж последний год в универе! Диплом и всё такое. Или рискнешь?

Глава 3

Я пожимаю плечами. Пока рано что-то говорить – хочу внимательно обдумать, куда идти. Я в себе уверена: в последний год учебы аудиторных занятий мало. В основном консультации для написания диплома. Этот момент меня не напрягает, но все равно надо оставить под это время. Тем более, знаю свою привычку ввязываться в приключение, а потом думать, что с этим делать.

– Ты сам-то успел определиться? – спрашивает Арсения с усмешкой. – Или юристом останешься?

– Пока никто не додумался до такого, я сразу забиваю себе место президента компании, – заявляет Егор.

– У нас же дед президент? – полуспрашиваю, полуутверждаю я. – Не думаю, что можно занимать его должность.

Арсения проявляет чудеса сообразительности, что для нее нехарактерно:

– В бумажках, оставленных Сергеем, есть список должностей, которые нельзя занимать. – Она машет листками. – В том числе, нельзя быть президентом. В общем, дедуля пока не увольняется.

Я забираю у нее бумаги.

– И, кстати, Егор, на всякий случай, нельзя занимать должности генерального директора, финансового директора, главного бухгалтера, начальника отдела по безопасности.

А дед все продумал! Ключевые посты не достанутся никому.

– Подумаю, – Егор недоволен. Он допивает виски и весь вечер сидит смурной.

В конце ужина он заявляет, что раз нельзя в президенты, пойдет в вице-президенты. Так у нас появляется первая закрытая должность.

Разъезжаемся мы, так и не выяснив насчет остальных – кто чем будет заниматься. Понятно одно: из гонки сразу выбывают дядя-профессор и дядя-писатель. Первый сразу сообщил, что ему и своих дел хватает, равно как и своего дохода. Второй хмыкнул и сказал, что бизнес – не его стезя, и что он мог бы заняться рекламой компании, но сейчас такая ужасная реклама... и бу-бу-бу... бла-бла-бла. Он очень зануден!

Мама с папой вызывают такси – у них квартира в Москве. Бабушку в старый загородный дом везет водитель деда. Дядя-профессор садится за руль своей тачки – он малопьющий, поэтому в основном загород ездит сам. Дядя-писатель пускается в путь до станции, а там – на электричку. Его вяло предлагают подкинуть, но он гордо идет на своих двоих. Как Лев Толстой – классик вроде любил пройтись пешочком. При дедовых связях дядю могли бы давно печатать ведущие издательства. Но дед когда-то с трудом осилил две книги сына и сказал: «Дерьмо!».

Дед вообще никогда не лезет за словом в карман и гово-

рит, что думает: если дерьмо, то дерьмо. Переубедить его невозможно. Впрочем, по поводу писательских талантов дыди никто и не пытался: все согласны, что дерьмо. Более того, две книги – это подвиг деда: некоторые и пары страниц не осилили.

Я тоже вызываю такси. Своей машины у меня нет, потому что дед мне на восемнадцать лет подарил студию возле университета. До этого я успела научиться водить, но покупать тачку в итоге не стала.

По дороге обдумываю ситуацию. В Москве есть флагманский ресторан компании. И в нем, насколько я помню, дела в последнее время идут не очень. Может его взять в управление? Вникнуть, понять, в чем проблема... Мне кажется, что совмещать я смогу. Тем более, именно в этом ресторане я работала официанткой после первого курса и метрдотелем после второго.

Образование я получаю экономическое в топовом вузе страны. Первые три курса нас там так муштровали, что на четвертом показалось – мы на курорте. Пока таксист меня везет на Чистые пруды, я окончательно убеждаю себя в том, что справлюсь.

Дома меня ждет Вадим. Давний друг Егора – еще со школы – он лет пять за мной ухаживает. Недавно сделал предложение, и я согласилась. Теперь у него есть ключи от моей студии, и он может сюда приезжать в любое время.

– Ну что там? Как прошло? – спрашивает Вадим. Я ему

отправила сообщение еще с ужина: предупредила, чтобы не ждал. Но Вадим, конечно, никуда не уехал, и теперь готов слушать подробности. – Налить тебе? Красного?

– Давай. Хочется расслабиться. Тяжелый оказался день.

Я рассказываю о том, что происходило у деда.

– И ты решила пойти работать?! А как же твой диплом? – Вадим качает головой. – Хотя ты можешь, конечно, взять академ. Через год выиграешь наследство и спокойно доучишься.

– О, ты так во мне уверен? – я улыбаюсь. – Я вот в себе не очень. Просто понимаю, что обязана воспользоваться шансом. Даже не ради денег. Это семейный бизнес. Если деду некому будет его передать, то придут чужие люди. Сделают из наших ресторанов фаст-фут какой-нибудь. Уж точно не станут постоянно проверять качество блюд, что-то придумывать, открывать новые точки.

– Справишься! У тебя отличные теоретические знания и немного практических тоже есть. Куда ты пойдешь? Руководить экономическим отделом?

– Нет, управляющей в «Съешь еще!».

– Ваш флагманский? Круто! Почему именно туда?

– Дед говорил, что там в последнее время часто пустуют столики. Раньше без предварительного заказа вообще нельзя было даже днем найти место. Сейчас падает выручка. А этот ресторан – первый из открытых дедом и является лицом компании.

Вадим остается у меня ночевать. А утром уговаривает меня быстрее сыграть свадьбу.

– Вадим, ты же понимаешь, что сейчас не время, – я удивлена. – У меня будет сумасшедшая нагрузка. Я не хочу брать академ, терять год. Но я знаю, что такое ресторан. Да, я рассчитала свои силы. Но мне точно сейчас не до свадьбы! Более того, всей семье не до свадьбы. Дедушка не сможет в его теперешнем состоянии присутствовать...

– Карина, именно из-за твоего дедушки я и предлагаю пожениться в ближайшее время. Пойми, insult – это не шутки. Врачи ничего не могут гарантировать. В конце концов, мы можем сыграть свадьбу в его доме. Там есть для этого все возможности!

Это правда. У деда огромный зал для больших приемов. И кухня приспособлена для таких мероприятий.

– Не знаю... Не уверена. Я хотела платье от души подобрать. Придумать сценарий. Танец с тобой разучить. И подружкам нужны наряды...

Свадьба на меня сваливается, как гром среди ясного неба. Но я признаю правоту Вадима и соглашаюсь все организовать в ближайшие недели.

Сейчас

Сейчас я понимаю, как я тогда поспешила! И почему то-ропил меня Вадим. Любовь? В его чувства, естественно, уже

не верю. Но любила ли я?

В сексе я была очень зажата. А он говорил, что вот будет у нас постоянный, регулярный секс и все наладится. Я отсутствие большого удовольствия тоже относила на крайне маленький опыт, а вовсе не на отсутствие чувств.

И вот я сижу у чужого, незнакомого мужчины дома. Вообще никогда в подобные ситуации не вляпывалась. Конечно, иногда парни приглашали в гости. Я либо сматывалась пораньше, пока все не напилось и не начали приставать. Либо отказывалась от приглашения.

Правда, Игорь меня не приглашал. Он взял и притащил сюда чуть ни силком...

Слышатся шаги. Мой похититель заходит в столовую.

– Кофеёк пьешь? Хорошо. Я позвонил, куда надо. Ты не соврала: у тебя все в порядке. Паспорт сделают быстро.

– Спасибо, – что ж у меня голос-то пропадает при нем! – А кто-нибудь еще живет в этом доме? И можно мне Интернет?

– Два вопроса. Много! – припечатывает Игорь.

На вид ему лет тридцать пять. Хотя точно сказать сложно. Зеленые глаза, кажется, всегда смотрят с подозрением. Он часто их щурит. То ли зрение не очень, то ли специально прячет взгляд. Волосы темные, жесткие. И только небольшие завитки у шеи придают ему мальчишеский вид. В целом, он производит впечатление успешного, опасного и... сексуального. Зачем я ему сдалась?

– Ладно, отвечаю. В доме, кроме нас, никого. – Он выдви-

гает стул, чтобы сесть рядом со мной. Берет меня за подбородок и поворачивает к себе мое лицо. Смотрит прямо в глаза. Жуть! У меня даже мурашки бегут по спине. – На второй этаж ходить нельзя. Поняла?

Киваю, хотя это сделать непросто – меня продолжают держать за подбородок.

– На первом пока ты поживешь в гостевой. Можешь ходить в столовую. Так, да, готовит мне Митрич. Еда простая. Ты готовить умеешь?

Опять киваю. Вспоминаю книжку, которую недавно прочитала. Там парень с зелеными глазами был драконом. Может и этот дракон? По ночам превращается на втором этаже... Господи, какая чушь порой приходит мне в голову!

– Отлично! С тебя сегодня ужин. Протестируем твои способности.

– Интернет можно? – шепчу я.

– Нельзя! Пока нельзя. Ты, вроде, девчонка хорошая. Но рано говорить. Даже когда я тебя проверю по полной программе, и то доверять не буду. Знаешь, да? Никому доверять нельзя. В общем, пока без Интернета. Можешь телевизор посмотреть. Он в гостиной на этом этаже. Так, значит, обедаешь без меня. Сама чего-нибудь сварганишь. Заодно посмотри, что с продуктами. Если чего надо докупить, скажи Митричу. Он мужик надежный, но с едой может проглядеть.

– Я могу в магазин сходить, – бормочу.

– Нет! Сиди дома.

Он встает и решительным шагом идет к выходу из комнаты.

– Митрич, я ушел!

Ага, со мной даже не попрощались. Во что же я вляпалась? Хорошо, нет Интернета, посмотрю, действительно, телек. Только сначала надо прибраться. Я собираю наши тарелки и иду в кухонный отсек.

Митрич тут же материализовывается.

– Чего? – впервые слышу его голос, низкий, хриловатый.

– Чего чего? – переспрашиваю. – Посуду помыть пошла.

– Мой, – кивает.

Вот спасибо! Разрешил. Звиздец просто какой-то!

Помыв посуду, иду в гостиную. Там и в самом деле стоит огромный телевизор. Митрич, понятно, топает за мной.

– Мне разрешили. – Ищу глазами пульт. Включаю и начинаю переключать каналы. Они явно не настроены. Ладно, хоть какие новости найти. Сажусь в кресло и продолжаю искать. Каналов много, толку мало.

Митрич продолжает стоять у входа в комнату.

Наконец, подмосковные новости найдены. Смотрю. Минут через десять бегло говорят обо мне и пожаре:

– В поселке «Премьер лакшери вилладж» сегодня ночью произошел пожар, – показывают мой сгоревший дом. – Пожарным не удалось спасти дом. Он практически полностью выгорел. Причиной пожара могла стать неисправная проводка. В доме в момент пожара, по словам пожарных, была де-

вушка, которой удалось спастись, но ее личность не установлена. Хозяйка дома, бывшая жена известного ресторатора Вениамина Голикова, совсем недавно переехала к дочери из-за ухудшившегося самочувствия. Сам Голиков год назад перенес инсульт...

На этом новость про меня закончилась. М-да. Надо бы срочно сообщить маме и бабушке, что со мной все в порядке. Да, никого в доме не обнаружили, но я-то пропала!

Так, надо собраться с мыслями. Проблемы в универе – моя вина. Не будем принимать их в расчет. Проблемы в ресторане – явно их мне кто-то устраивал. Последние события это доказывали. Пожар – проводка была исправной, ее не так давно проверяли. Значит, кто-то и пожар организовал. Но одно дело – запугать меня. Совсем другое – убить. Ведь я могла запросто сгореть!

Мой похититель. Как он связан с этими событиями? Или ехал мимо и решил меня украсть? Ага, вот едешь ты, видишь девушку. Думаешь, а не утащить ли мне ее в свое логово? Нормально, да? Нет, не нормально. Он не дракон, он Синяя борода! А на втором этаже хранит гробы, а в них его бывшие жены!

Дед говорит, что писать книги надо было мне, а не дяде. Потому что у меня богатое воображение. В школе за это богатое воображение мне часто попадало – я любила прогуливать, а в оправдание придумывала разные странные истории.

На тебе, Карина, странную историю в реальности!

Встаю. Иду мимо Митрича в холл. Возле входной двери останавливаюсь. И в чем я пойду на улицу? Ладно мужские спортивные штаны и футболка. Но на ногах у меня отельные тонкие тапки. А в углу стоят высохшие, розовые, мохнатые тапочки, в которых я вчера выбежала из дома. мех на них топорщится. Розовый цвет превратился в грязно-розовый.

Оборачиваюсь. Митрич стоит с ухмылкой на лице.

– Хочу на улицу выйти. Здесь нет какой-нибудь обуви? И куртки?

– Нельзя! – сказал, как отрезал.

Глава 4

– Мне надо сообщить маме, что со мной все в порядке! – когда вечером приходит Игорь, я вылетаю в холл и кричу ему в лицо. – Поймите, мой телефон сгорел! Она будет писать, звонить, а я недоступна! Если вы мне дадите Интернет, то я найду возможность передать сообщение. Через соцсеть, например.

Он крепко прижимает меня к себе. Неожиданно. И я сразу успокаиваюсь, но продолжаю всхлипывать – за день реально накрутила себя...

Днем я поняла, что могу сообщить Арсерии – она вечно сидит в соцсети и быстро увидит мое сообщение. Могу позвонить на общий телефон компании деда. Но самое главное! Я вспомнила примерный набор цифр дедовского телефона! Не точно, но среди трех-четырех вариантов к утру всплывет правильный. В детстве дед тренировал меня – чтобы я запомнила важные номера. Скорая, пожарная и... его номер! Кстати, благодаря этому я быстро сориентировалась и вызвала пожарных. Но деду я звонила редко и нажимая на контакт. Тем не менее, цифры всплыли! И я знаю себя – утром вспомнится правильное сочетание.

Нет, я не хочу говорить, где нахожусь. Но они же переволнуются! Надо сообщить просто, что жива и пока меня не нужно искать.

Короче, в первую очередь нужен Интернет. Потом телефон.

– Хорошо. Я подумаю, как это организовать, – Игорь чуть отстраняется и вытирает мне слезы. – Пойдем, покажешь, что ты там сварганила на ужин. Ты же приготовила нам поесть?

Я киваю...

Днем я перекусила на скорую руку. А к вечеру решила проявить свои таланты. Зачем? Подумала так задобрить похитителя и выпросить необходимые бонусы. Список для Митрича оказался довольно большим, потому что в холодильнике особо ничего нашлось.

– Как вас хоть зовут?

– В каком смысле? – Митрич не сразу понял мой вопрос.

– Имя, отчество?

– Иван Дмитриевич.

– Так вот, Иван Дмитриевич, нам понадобится...

Игорь обещает быстро спуститься вниз – только примет душ и переоденется.

Когда он спускается, на стол Митрич ставит рюмки для Мадеры. Он смотрит на хозяина и разводит руками: мол, я тут ни при чем.

– Это у нас аперитив, – чувствую я себя «славно» в своем наряде. Игорь-то одет нормально: легкие светлые брюки и лакостовская футболка. Наливаю охлажденную Мадеру на две трети рюмки.

Он хмыкает. Но рюмку или, как мы ее называем «бокал-тюльпан», берет.

– Иван Дмитриевич, теперь несем холодные закуски.

Игорь смотрит на нас в недоумении. По-моему, он вообще не понял, к кому я обращаюсь.

– А себе что ж не наливаешь? – Игорь забирает у меня бутылку и наливает ровно такое же количество во вторую рюмку. – Митрич, ты сам справишься с холодными закусками? – смотрит на меня с любопытством. – Знаешь, чего нести?

Митрич кивает и уходит на кухню.

– Так, Карина, тебе нужна одежда. Я не сообразил.

– Я спрашивала у Ивана Дмитриевича. Но он сказал, что в доме женской одежды нет, а выходить на улицу не разрешил.

– И правильно сделал. Давай чокнемся. Чтобы все у нас сложилось хорошо.

«У нас»? Я его не понимаю. С другой стороны, я согласна – пусть будет все хорошо. И у него, и у меня.

– Так, после ужина я тебе дам возможность сообщить маме о себе. Мне шум не нужен. А твоей маме не нужен сердечный приступ из-за дочки. Заодно зайдешь в интернет-магазин и накидаешь в корзину одежды. Я все оплачу. На этот счет вообще не парься. Митрич! Чего у нас с холодными закусками? Есть охота!

Мы садимся за стол, а Митрич несет тарелки: на одной тонкие кусочки лосося, сбрызнутые лимоном, на другой – порезанные овощи. Ставит и уходит обратно на кухню. Сно-

ва выходит со второй парой тарелок. Это мусс из индейки и тосты.

– Я приготовила немного. Не знаю, что и сколько вы обычно едите.

Вижу, что Игорь удивлен. Он намазывает мусс на тост, откусывает и кивает.

– Вкусно! Прямо ресторан высокой кухни. Ты где-то училась готовить?

Этот момент я продумала. Отвечаю:

– Закончила кулинарный колледж. Меня, на самом деле, взяли в тот дом... что сгорел... – мне до сих пор сложно выговаривать эти слова. До школы я там почти все время проводила, а в школе каникулы. – готовить, – уже чуть не плачу.

– Ну ты не расстраивайся, – Игорь хрустит тостом. – Главное, сама жива осталась.

На горячее я приготовила фазана. Сначала Митрич говорил, что понятия не имеет, где его взять. Но я-то наш поселок знаю. Сказала, куда идти. Гарнир – мое любимое пюре из цветной капусты. Часто у меня его вообще не отличают от картофельного. Нежное! Пальчики оближешь.

К горячему Митрич подает выбранное мною красное сухое.

– Извините, но десерт я не готовила. Просто фрукты.

– Просто фрукты, – повторяет за мной Игорь. – Ты бы знала, что у нас тут Митрич подает, – он смеется, чуть ни впервые с нашей встречи. – Я, конечно, могу в ресторан схо-

дить или заказать что-то. Но предпочитаю попроще и дома. В общем, сегодня тебе пятерка. Молодчага!

– Раз я молодец, значит, заслужила ответ на вопрос, – я смелею, – почему я в вашем доме? Почему вы меня не выпускаете? Я пленница?

– Пока я не буду отвечать на твой вопрос. Точнее, отвечу, но дам не полный ответ. Видишь ли, есть такое произведение «Пигмалион». Слыхала?

Надо немного попридуриваться.

– Не помню, – закатываю глаза к потолку. – Там девушку учат правильно говорить? Или я путаю?

– Не путаешь. Вот я решил из тебя сделать идеальную жену. Понимаешь, мне не повезло с первой женой. И я долго думал, как бы мне не проколоться второй раз. Случайно посмотрел фильм «Моя прекрасная леди». И подумал, а не найти ли мне такую же «цветочницу». Простую девушку, которую я обучу, и которая будет мне благодарна. С тобой мне повезло. Ты, оказывается, нормально говоришь – вчера я подумал, что с этим будут проблемы. Ты отлично готовишь. Но! – он грозно смотрит в мою сторону. – Пока никаких выходов в свет. Постепенно я из тебя сделаю крутую, светскую девушку. Придумаем тебе легенду. Составим брачный договор. И поженимся.

О-па! У меня реально рот открылся от удивления, а вилка с куском фазана зависла на полпути. Ничего, если я против? Если я за него замуж не собираюсь? У меня тоже неудачный

опыт с первым замужеством. Более того, я еще не развелась. А самое главное, что мне почему-то никто не дает шанса создать себе идеального мужа!

Год назад

Мы с Вадимом планировали свадьбу после моего окончания универа. Я соглашаюсь ускорить ее почти на год! Его довод – мол, пусть дед порадует, а то может не дожить – сначала меня убедил. Но после отъезда Вадима на работу я начинаю думать и сомневаться. Надо бы посоветоваться с мамой.

Она дома, и не против со мной поболтать. Без вежливых фраз, сразу с порога, я задаю ей вопрос:

– Мама, Вадим хочет, чтобы мы быстрее поженились. Как ты думаешь, стоит ли торопиться?

Мы проходим в комнату, мама приносит кофе с печеньками. Я вижу, что она размышляет над моим вопросом.

– Детка, в конечном итоге, решать тебе, – говорит она медленно. – Если ты его любишь, то какая разница. Можете и сейчас пожениться. Знаешь, как твой дед говорит?

– Как? – дедовы поговорки у нас в семье есть чуть ни по каждому поводу.

– А так, – мама смеется: – Женишься ты или не женишься, все равно раскаешься. Это очень верная фраза. Замуж все женщины хотят. И чем больше времени проходит, тем

сильнее. Но в молодости не всегда понимаешь, что если тебе попался парень, который готов жениться, то надо его хватать. Потом будут попадаться женатые, холостяки, которых под венец если только под дулом пистолета. А то и вообще никто не будет попадаться.

– Но нельзя же выходить замуж ради галочки? – не предполагала, что у мамы такие старомодные взгляды.

– Можно, детка, можно.

– И ты так выходила?

– В общем, да. Но если совсем честно, то по залету.

– Ой, – я прикрываю рот ладонью. – А я думала, Оля у вас родилась после свадьбы.

– Родилась-то после, а зачалась, – мама опять смеется, – немного до. Папа твой оказался благородным доном. И мы, как только я ему сообщила о беременности, сразу поженились. Никто по срокам и не понял, хотя справку я не брала... Понимаешь, тогда справку надо было брать, чтобы жениться пораньше, а не как там у них по графику в загсе. И мы женились через месяц. У меня уже четвертый месяц. Я платье настоящее достала, свадебное, красивое. А с талией уже проблемки. В общем, меня сестра твоего отца затягивала. Сзади шнуровка была – вот она старалась мне талию сделать.

Я сижу в шоке. Нет, я современная женщина. Ничего в залёте не вижу страшного. Меня другое шокирует: как мама пыталась это скрывать. А если бы Ольке навредила?

– Я и шампанское пила, – продолжает откровенничать ма-

ма. – Все гости удивились бы, если бы не пила... Кстати, детка, можем с тобой тоже по бокальчику, – подмигивает она мне. – За твою свадьбу!

Мама уходит из комнаты и возвращается с бокалами и «Вдовой Клико».

– Я тебе помогу с выбором платья, с банкетом... Не волнуйся, все сделаем на высшем уровне. Я готова взять на себя основную часть подготовки.

– Мам, а ты у деда будешь работать? – спрашиваю я, сделав несколько глотков за свою свадьбу.

– Нет, детка. Не буду. Ваш дедуля любит такие... как бы сказать... реалити-шоу. А мне уже, наверное, пора уходить со сцены.

Маме грустно – несмотря на пластические операции и наращенные локоны, ей пятьдесят. Никуда от этого не деться.

– А ты? – мама спохватывается. – Ты что-то надумала?

– Ага. Пойду во флагманский управляющей.

– Вот видишь! Я правильно решила! У меня, детка, четверо детей. Мои братья и муж не участники в этом шоу. Зато дети вполне! Кто-то из вас четверых точно выиграет! Неужели вы бросите маму? Нет, конечно. Вот так я подумала: зачем я вас рожала? Затем, чтобы мне помогли в почтенном возрасте. Я стоять на голове не буду. Егор занял место вице-президента, ты идешь управляющей во флагманский. Даже если Арсения и Оля никуда не пойдут, а я уверена, что они своим шансом постараются воспользоваться, то из вас

двоих точно кто-то прорвется!

От мамы я выхожу несколько ошарашенной.

Итак, мама выходила замуж по залету.

Свадьбе быть.

Мама рассчитывает, что дедово наследство ей принесут на блюдечке ее дети. В фаворитах мы с Егором.

Глава 5

Выйдя от мамы, я понимаю, что мне нужно еще с кем-нибудь поговорить. Настоящих подруг у меня нет. Все завидуют и считают, что я родилась с золотой ложкой во рту. Какие у меня могут быть проблемы? Мне бывало даже стыдно – сразу родиться в обеспеченной семье. Потом стало понятно: проблемы есть у всех. Но подруги всегда машут руками: у тебя есть деньги, это все решает.

В школе меня это просто добивало! Получаю пятерки – деньги родители занесли, по блату. Получаю тройки – а ну ей-то все можно, в университет поступит на платный, а работать и не нужно... Тогда я и начала прогуливать. Когда совсем плохо стало, мама пошла жаловаться деду. Тот вздохнул и вызвал на ковер:

– Это не их жизнь, а твоя, – сказал он мне, пятнадцатилетней дурочке. – Плюнь и разотри. Хочешь просрать свои возможности? Просирай. Твое счастье, твой успех зависит не от моих бабок, а от твоих усилий. И деньги – сегодня есть, завтра нет. Нужно иметь в запасе что-то поважнее.

Я и плюнула. Поступила на бюджет. Дед похвалил. Сказал, что раз я ему сильно денег сэкономила, то будет мне платить повышенную стипендию. С тех пор, раз в месяц, мне переводят с его счета сумму, которой вполне хватает на жизнь. Старшей и младшей сестрам дед делает переводы на празд-

ники. Егору и папе платит зарплату. Маме по праздникам тоже перепадает, но дед считает, что раз он на зарплате держит ее никчемных мужа и сына, то пусть они и содержат.

Честно, я бы поехала за советом к деду. Но он болен, и мне неудобно вешать на него еще и свои проблемы. Зато есть бабуля!

– Ох, Кариночка, как я рада тебя видеть! Скучно одной. Пойдем! – бабушка ведет меня в дом.

Тот самый дом детства, в котором всегда как-то по-особенному пахнет: бабушкиными вкусами, лавандой и летним солнцем, даже если на улице осень.

– Дорогая, ты его любишь? – в ответ на мой вопрос бабушка сразу задает свой.

– Да, – я толком не знаю, что такое любить мужчину, но мне кажется, Вадима я люблю. – Он заботливый, внимательный... А ты деда любила?

– Конечно! Мы поженились в институте. Влюбилась я страшно! Еле восемнадцати дождалась, чтобы замуж выскочить. Дед был на два года старше, а казалось лет на десять! Такой опытный, умный... В общем, охмурил, – бабушка аж засветилась вся при воспоминаниях. – Сложности потом пошли. Пашка сразу родился, пришлось институт бросать... Ладно, про плохое не будем. У каждой семьи есть темные полосы. Этого не избежать.

У меня на душе становится легче. Рановато я расслабилась, но об этом пока не знала. А бабушкины слова про тем-

ные полосы пропустила мимо ушей.

– Как, бабуль, пойдешь к деду батрачить? – перевожу разговор на актуальную тему.

Смеемся. Впрочем, чего смеяться – бабушка в начале девяностых, когда дед начал мутить бизнес, очень ему помогала. А в первом ресторане реально стояла за плитой. У нее были старые, еще советские книги о том, как организовывать банкеты, что с чем подавать, брошюрка для официантов... В общем, бабуля у нас вполне даже способна, получше многих. Возраст, здоровье – понятно, что в семьдесят три сложновато. А так, переплюнет нас всех.

– Кариночка, сил уже нет, если честно. Знаешь, что такое старость? Это когда желания есть, но нет сил их осуществлять. А ты что решила?

Я снова рассказываю о своей задумке. Бабуля воодушевляется.

– А давай! Я тебе помогу. Со свадьбой путь мама твоя возится. Ей такие вещи нравятся. Ты будешь мне все по ресторану докладывать. Все подробности. Сначала надо понять, почему у них стало меньше народу. Сходи пока как клиент. Не думаю, что тебя узнают. Ты, вроде, там и работала, как бы «с улицы», не от деда?

– Ага, летом требовались официанты, я и пошла. Хороший совет, бабуль. Схожу на разведку.

Вечером я приглашаю Вадима прогуляться со мной в ближайший день в «Съешь еще!». Я их меню заранее смотрю

на сайте – вдруг что-то поменялось. Вроде, ничего. Все, как было раньше.

Но на самом деле меню на сайте сильно отличается от реального. Состав блюд не тот. На вкус – еще хуже. Значит, видимо, либо экономят, либо... в любом случае – кладут себе в карман. Пока я в шоке. Мне надо понять, что здесь происходит.

Сейчас

Несмотря на некоторый шок от сказанного Игорем, я решаюсь сказать ему о своем семейном статусе. И может это охладит его пыл.

– Извините, я вам не сказала, но я замужем.

– Да ну! Как интересно! – Игорь недоверчиво прищуривает глаза. – И где же твой муженёк?

– Мы уже не живем вместе, – уклончиво отвечаю на вопрос о местонахождении Вадима. – Я хочу развестись. Но с этим связано довольно много проблем... Поэтому я поселилась в том доме, который сгорел.

Как это мило: вроде правду говоришь, а вроде и не совсем.

– Так, а муж где живет?

– В моей квартире. Я не смогла его выгнать. Он говорит, что не хочет со мной разводиться и не уезжает оттуда. Вот я и решила... – что, что я решила??? – наняться к кому-нибудь... с проживанием.

– Понял. Ну... это ничего не меняет. Раз ты все равно разводишься, будем действовать по прежнему плану.

Ага, по плану, которого лично у меня не было.

– Кстати, почему ты захотела развестись?

– Это тяжелая история, – я точно не готова здесь исповедоваться. – Ты же не говоришь, почему развелся ты.

– Хорошо, – Игорь смотрит мне в глаза. – Ты говоришь свою причину. Я свою. У меня тоже тяжелая история, но я могу рассказать ее при помощи всего одной фразы.

– Я тоже могу, – киваю. – Он мне изменял.

– Моя мне тоже. Ладно. На сегодня хватит. С твоим разводом проблему порешаем. Всему свое время. Сейчас тебе надо написать маме и выбрать одежду. Сиди здесь.

Сижу. Мое семейное положение ситуацию не спасло. Мне начинает казаться, что Игоря свернуть с выбранного им пути невозможно. Изменить его мнение? О чем это вы – он, наверное, даже не сильно вникает в то, что ему говорят.

Митрич убирает со стола. Я встаю ему помочь.

– Сиди, – повторяет он вслед за хозяином.

У них здесь настоящий патриархат! Зачем этому дому нужна женщина? Прибраться, приготовить? Проще и дешевле нанять прислугу.

Игорь возвращается с ноутом в руках.

– Вот тебе Интернет. Отправляй маме сообщение.

Я быстро захожу в ВКонтакте. Хорошо, что пароль у меня простой, хотя всем упорно советуют делать сложный. Был бы

сложный, сейчас ничего не получилось бы.

На меня постоянно смотрят. Под внимательным взглядом Игоря я открываю страницу Арсении. Хорошо, что у нее на аватарке кошка, иначе бы возникли вопросы. В сообщении сестре пишу: «Передай маме и бабушке, что со мной все в порядке. Телефон сгорел». Кликаю на «отправить», выхожу из соцсети.

– Готово. Но я хотела бы завтра проверить, прочитано ли сообщение.

– Проверим. Давай теперь в магазин.

Боковым зрением ему, конечно, видно, куда я захожу – он не расслабляется ни на минуту. Насколько я помню, в «Пигмалионе» у девушки было куда больше свободы.

На автомате начинаю набивать название итальянского магазина, которым часто пользуюсь. Несмотря на санкции, они привозят в Москву вещи, и у них есть тут склад, с которого многое из заказанного могут быстро привезти. Ой-ой! Цены там высокие. Если я продолжаю играть свою роль, надо заказывать в другом магазине.

Придется вспомнить массмаркет. Как я его вспомню, если там не покупаю?

– Ты чего тупишь? – спрашивает Игорь. – Иди в какие-нибудь там ягоды... или где ты привыкла покупать одежду. Потом я приучу тебя к другим магазинам. Но сейчас нам надо быстренько набрать тебе чего-нибудь на первое время.

О, я вспоминаю, благодаря словам Игоря, магазин, пункты

выдачи которого по всему городу. Даже как-то в нем покупала. Захожу на сайт. В первую очередь выбираю себе куртку. Потом ботинки. Джинсы, майки, худи. Достаточно. А еще – кроссовки и новые тапки.

– Готово. – Я поворачиваюсь к Игорю. Он смотрит в мою «корзину». – Не дороговато? Я не особо выбирала.

– Дороговато? – он смеется. – Задохлик, я за всю эту сумму часто и одной вещи не покупаю. Ладно. Для начала тебе хватит. А там видно будет.

После того, как он оформляет на себя заказ, Игорь захлопывает ноут и собирается уходить из комнаты. Но на пороге оборачивается.

– А с кем муж тебе изменял?

– С моей подругой, – почти шепчу я. – А твоя тебе с кем? – меня еле слышно, но Игорь мои слова явно расслышал. Мгновение он смотрит мне в глаза, потом резко разворачивается и уходит вверх.

Посмотрев телевизор – вот уж развлечение, о котором я давно забыла, – я иду в «свою» комнату спать. Сон не идет. Меня заставили вспомнить ту сцену, которую я так старалась забыть...

Полгода назад

Из ресторана я в тот день ухожу пораньше: надо наверстывать упущенные в учебе дни. Хочу посидеть спокойно дома, пока Вадим на работе, и продвинуться хоть немного с дипломом.

Верхний замок открыт. «Надо же, — думаю, — забыла закрыть». Про Вадима даже не подумала: он уходит раньше меня и приходит после семи вечера. У них на работе строго «с девяти до шести». Открываю нижний.

В моей студии входную дверь от комнаты отделяет небольшой холл. Я ставлю сумку на столик, снимаю кроссовки и иду в комнату, на ходу стягивая пальто.

Я помню этот момент — когда я вдруг слышала звуки. Странные звуки — стоны, охи, мужской рёв — не знаю, как это назвать. Да, будто он ревел от страсти.

Но я продолжала идти. Если бы мой мозг быстро осознал, что происходит в комнате, я бы, скорее всего, сбежала. Мне не нужны были бы доказательства неверности. Я бы развернулась и ушла.

Но я продолжала идти.

Туда, где меня ожидает сразу три удара. Я такое видела в кино: человек лежит на земле, а его пинают — в живот, в грудь... Со мной происходит то же самое. Я будто падаю, а они меня бьют. По самым уязвимым местам. Крик застревает в горле. Я никак не могу защититься от того, что вижу. Для этого надо было бы ослепнуть!

Глава 6

Сразу меня не замечают. Вадим, совершенно голый, трахает женщину, которую я узнаю чуть позже – сначала такое впечатление, что картинка перед глазами расплывается. В кресле сидит Егор: именно он первым видит меня в дверном проеме. Он сидит у окна, лицом ко входу в комнату.

Вадим увлечен процессом. Они с любовницей стоят ко мне спиной. Она руками уперлась в мой рабочий стол. Стол длинный – я специально такой выбирала, интересной волнообразной формы. Несмотря на то, что стол стоит вплотную к стене, Вадим так жестко входит в женщину, что ее опора, кажется, ходит ходуном.

Ноута на столе нет – я его почти всегда ношу с собой. Но мои безделушки, маленькие украшения, игрушки громко протестуют: бряцают, подпрыгивают, прижимаясь друг к другу.

В какой-то момент женщина поднимает голову и смотрит-ся в зеркало, которое висит над столом. Я вижу, что это Аня! Анька, подружка! Не близкая подруга, с которой делишься всем-всем-всем – у меня такой и нет. Но сколько раз мы бежали в кафешку после пар, сколько вместе выучили билетов к экзаменам. Даже ездили отдыхать на море, потому что вместе дешевле, веселее и мы не раздражаем друг друга в быту. На свадьбу я позвала подружками невесты девчонок из

группы. Аня, конечно, была среди них.

Лежа в кровати в доме Игоря, я вспоминаю все, как в замедленной съемке. На самом деле, думаю, вся сцена заняла минут пять максимум...

Егор сидит в расстегнутой рубашке с приспущенными штанами. В одной руке у него стакан с виски, другая лежит между ног. Он видит меня и смеется:

– Пришла хозяйка! Присоединяйся! Или ты для этого слишком хороша? Слишком зажата? – он явно сильно пьян.

Аня видит меня в зеркале. На ее лице отражается паника. Вадим не убирает рук с ее талии и продолжает трахать – он уже кончает, видимо ему не до нас. Но потом, с громким вздохом, громко шлепнув Аню по попе, Вадим оборачивается.

На его лице отражается страх. Позже он будет вести себя то нагло и развязано, то будет валяться в моих ногах и вымаливать прощение. Он испробует все варианты, надеясь, что какие-то способы меня вернуть сработают. Но сейчас Вадим боится.

Тут я и чувствую, будто меня лежащую пинают ногами: брат, муж и подруга.

Три удара. Самое ужасное, что их нанесли люди, от которых я ничего особенного не требовала. Егора, при всем его характере, я любила. *Почему-то* считала, что он, как старший брат, меня защищает. Довольно-таки абстрактно, но тем не менее – какая-то психологическая защита. Подруга – не

близкая, но она же была подружкой невесты на моей свадьбе! *Почему-то* это я тоже считала неким оберегом от предательства.

И, наконец, Вадим. Муж. До его измены я уже успела понять, как в нем ошиблась. Но я терпела. По совету бабушки и мамы. Они правды не знали, однако на все витиеватые попытки пожаловаться, твердили одно: стерпится. Мы терпели, и ты терпи. В итоге привыкните друг к другу и станет легче.

С ним граница того, что я допускаю в его поведении, отодвигалась все дальше. *Почему-то* я считала, что у этой границы предела нет. Она так и будет отодвигаться. По сантиметру, по миллиметру. Но граница неожиданно шарахнула на километры и уперлась, как мой несчастный стол, в стену. Предел. Последняя капля.

– Тебе было бы легче, если бы за нами не наблюдал Егор? Если бы это была посторонняя женщина, не Аня? – спрашивает меня Вадим во время одной из его попыток помириться.

Я честно об этом размышляю. И откровенно говорю:

– Нет. Просто это было бы, как если тебя сильно избивает один человек. Ну а так трое. Тебе все равно больно. Очень больно. И, наверное, чуточку страшнее. Когда бьют трое – это страшнее. А еще ужаснее то, что ты каждого знаешь в лицо.

– Ох, твое воображение! – страдальчески кривит рот Вадим. – Тебя никто не бил!

Да, пять минут максимум – кадр из порнофильма, а не из

боевика.

Пять минут. А может и меньше. Я поворачиваюсь к ним спиной. Натягиваю пальто. Иду в коридор. Надеваю кроссовки. Беру сумку. Выхожу на лестничную клетку. Запираю дверь на тот же нижний замок.

Ключи со звоном падают в сумку.

Я еду к бабушке.

– Он опять на тебя поднял руку? – спрашивает она, увидев меня на пороге дома.

– Нет, – губы шевелятся, но вслух я не могу ничего произнести. Только качаю головой из стороны в сторону.

Видя мое состояние, бабушка прекращает задавать вопросы. Меня трясет. Кажется, что температура тридцать девять. Меня одолевают галлюцинации.

Бабушка ведет в дом. Я бросаю сумку на пол и оседаю на диван. Она несет здоровую коньячницу, наполненную чуть ни до краев.

– Пей!

Я выпиваю. Бабушка укладывает меня на диван, накрывает пледом, и я проваливаюсь в тяжелый, но такой спасительный сон...

Сейчас

На часах – три ночи. Я ни в одном глазу. Вся простынка сбилась, потому что я ерзаю, ворочаюсь, пытаюсь отогнать

видения прошлого и уснуть.

Сажусь на постели. Три тридцать. Хочется есть. Да, я обычно перекусываю после ужина, так как ложусь спать поздно. Здесь мы ели в семь с чем-то. А потом я заказывала одежду и в одиночестве смотрела телевизор...

Ладно, пойду на кухню. Ну не убьют же они меня за это.

Надеваю халат, который мне вчера выдали. Он полностью высох, снова пушист и приятно прилегает к телу.

В доме темно, но глаза привыкли к темноте, и в окна светит яркая луна. Ориентироваться несложно. Открываю холодильник.

– И что это мы тут делаем?

Я вздрагиваю. В темной столовой стоит Игорь в пижамных шортах, сложив руки на груди.

– Еду краду! – огрызаюсь я. – Заснуть никак не могу. Вы вызвали неприятные воспоминания.

– Понимаю. Я тоже не сплю. И давай уже на ты. Мне было приятно, когда ты вчера так ко мне обратилась. Пусть и с неприятным вопросом. Ладно. Эту тему оставим на время.

Игорь идет в кухонный отсек.

– Накрывай. Очень вкусно, хотя вроде ничего особенного. Надо закон выпустить, чтобы всех девушек отправляли в кулинарный колледж.

Он смеется. Блин, Синяя борода, поборник патриархата.

– И Мадеру неси. Где вы там ее с Митричем спрятали.

Мадеру мы не прятали. Я ее поставила в огромный вин-

ный шкаф.

Почему-то впервые за долгое время улыбаюсь. Нет, там внутри еще все сплетено в тугой узел. И сердце слишком часто начинает громко стучать от страха. Но один из камешков, лежавших большой грудой на душе, совершенно неожиданно скатился вниз...

Я достаю два бокала-тюльпана и разливаю нам Мадеру. Аккуратно вытираю салфеткой каплю, стекающую от горлышка. Автоматически продолжаю стоять возле стола...

В ресторане, чтобы все контролировать от и до, я часто выходила к особо важным клиентам вместо сомелье. Конечно, каждый гость должен быть особо важным. Но на деле так не получается. Все время приходит кто-то, кого тебе надо обслужить по выше чем высшему классу.

Я обожаю составлять винные карты, находить интересные сочетания напитков с блюдами, подбирать бокалы, смотреть, как выходит пробка, полностью подвластная движениям моих рук...

– Ты чего стоишь-то? – Игорь смотрит на меня слегка озадаченный. – А! Понял! Ты же прислуга. Но, задохлик, здесь ты несколько на иных правах. Пока не хозяйка, – он поднимает указательный палец и машет им, как родитель неразумному ребенку, – однако уже и не просто повариха. Садись.

И почему он называет меня задохликом? Сто семьдесят сантиметров и пятьдесят пять килограммов. Бабушка считает, что мне надо поправиться. Иначе, будут проблемы с бе-

ременностью: «Слишком худым сложно забеременеть, выносить и родить!». Вадим, кстати, очень настаивал на ребенке. Наверное, думал, что так я от него никуда не денусь. Мне ума хватило хоть тут попридержать процесс.

Короче – не выгляжу я тощей! Вопреки мнению Игоря и бабушки!

Тем не менее, сажусь. Чего, правда, стоять. Все остаточки от ужина на столе. Бутылка тоже. Подавать больше нечего.

– Давай выпьем за наше знакомство, – предлагает Игорь. – Понимаешь, думал долго буду искать такую как ты. Тебе тоже было бы сложно мужика найти. В общем, это судьба!

М-да, он в своем репертуаре. Не то, чтоб он мне совсем не нравился. Нет, Игорь магнитит, притягивает к себе. Такой тип раньше мне не встречался. На деда он не похож. Тот – мужчина старого типа, как Крестный отец из самого первого, старого фильма. От Игоря, скорее, веет опасностью, угрозой. Вроде, он тебе не угрожает, а все равно боишься сделать что-то не так. И его грозные окрики говорят о том, что – да, он способен на многое.

Вижу, что в его бокале почти нет вина. В ресторане положено сразу подойти и подлить. Во многих местах официанты специально наливают больше положенного – полный бокал. Доказано, что психологически клиент быстрее выпивает бутылку, если ему наливать полные бокалы. И потом, соответственно, заказывает новую. Но по канону наливать каждый напиток надо по-своему. Красным бокал наполняется на од-

ну треть. Если так положено – пусть клиент пьет медленнее – значит так положено. В солидном заведении иначе быть не может...

Доливаю Игорю четко до двух третей.

– Задохлик, я понимаю, что ты профессионально умеешь наливать вино, – Игорь берет мою руку в свою и забирает бутылку. – Давай-ка, сделай еще несколько глотков, и я тебе налью сам. Женщине не годится наливать мужчине и себе. Если за столом есть мужчина, он и обязан разлить алкоголь. Поняла?

Киваю, а что еще делать.

У нас в семье в этом плане своеобразное распределение обязанностей. В доме у деда наливает прислуга. Он себе создал миниресторанное обслуживание. Но сомелье приглашается только, когда приходят гости, причем, не ближняя родня. Нас он за важных гостей не считает – мы можем за столом обойтись и обычным обслуживанием, без излишеств. У мамы разливает ее домработница. Тоже, понятно, по особым случаям. Так-то мама не брезгует и сама налить. Папа всегда себе сам – других он редко спрашивает, когда хочет выпить.

У бабушки пьют редко. Но для гостей она, конечно, напитки сервирует. Если народу много, заказывает кейтеринг, если мало – обслуживает ее домработница, как у мамы. Когда бабуля переехала к маме, то домработницу забрала с собой. Как уж они там уживаются с маминкой на одном пространстве, не знаю.

В общем, нет у нас в семье такого правила, чтобы мужчины наливали. Вадим, между прочим, только радовался, что я у него такая умелая, и никогда бутылку у меня из рук не вырывал...

Мы сидим с Игорем на кухне до шести утра. В основном, он травит анекдоты и какие-то байки якобы из жизни знакомых. Но у меня есть подозрение, что он их в Интернете вычитал. То ли от алкоголя, то ли действительно у него получается смешно рассказывать, но я искренне смеюсь. Тем более, что Игорь все это говорит с совершенно серьезным лицом. Изредка только подмигивает, и это смешит меня еще сильнее.

На личные темы не разговариваем. Я попыталась спросить, где он работает. На это получила ответ: «Всему свое время».

В шесть утра в столовой появляется Митрич. Он проходит к нам на кухню и спрашивает прямо как в каком-то советском фильме:

– А чего это вы тут делаете?

Я лично чувствую, будто меня запалили родители. Мне даже на минуту кажется, что Игорь ощущает нечто похожее.

– Проходи, Митрич, – говорит он в итоге, – мы тут Мадеру пьем. Точнее, – он крутит в руках пустую бутылку, – уже выпили. Но у нас же есть еще что-то в баре?

– У вас винный шкаф забит бутылками, – сообщаю я.

– На ты! – поправляет меня Игорь. – Можем продолжить,

короче.

– Спасибо, но я пойду двор мести, – Митрич собирает пустые тарелки и складывает их в посудомойку. – А вам бы посоветовал пойти поспать, уж простите.

Он ворчит, но видно, что на самом деле не сердится.

– Ой, подождет твой двор! – машет рукой Игорь.

– Прости, я реально хочу спать, – вмешиваюсь я в беседу. Пусть он сейчас скажет, что не мое женское дело сообщать свое мнение, мне плевать, потому что я сплю на ходу.

– Ладно, пошли действительно. Я тоже, видимо, не против немного поспать.

Мы оставляем Митрича на кухне, а сами направляемся к холлу. Я думаю, а вдруг Игорь захочет со мной заняться сексом. Раз он решил меня в жены взять, надо же про этот момент не забывать. А я вот точно не готова к новым отношениям в такой степени близости.

Но мы расходимся по своим комнатам. Он идет наверх. Я иду в гостевую.

Почему-то отсутствие малейшего порыва хотя бы меня поцеловать, разочаровывает. Так, Карина, не влюбляться! Держи себя в руках и не думай, что этот мужчина тебе подходит. Он поборник патриархата, Синяя борода и вообще... даже вина девушке не дает самой налить. Вот!

Глава 7

Просыпаюсь почти в полдень с жуткой головной болью. Мы не так много выпили Мадеры – думаю, болит из-за того, что всю ночь не спала и легла под утро. Медленно бреду под душ. На полочке стоит какой-то непонятный шампунь. Как и тапки, видимо, купленный для гостей, первый попавшийся. Ладно, рискну. Вряд ли от него волосы выпадут.

Не найдя фена, наматываю полотенце на голову, влезаю в ставший привычным халат и иду в столовую. Ни Игоря, ни Митрича нет. На сервировочном столе выставлены почка мюсли, варенье и вареные яйца. Ну это я так оптимистично надеюсь, что мне не сырых оставили.

Как раз в этот момент в комнате возникает Митрич.

– Ну ты это, бери, что хочешь. Хозяин убежал по делам. Только кофе попил.

– Спасибо.

Я мюсли не люблю и вареные яйца тоже. Собираю все со стола и отношу на кухню.

– Эй, ты поешь чего-нибудь! – несется мне следом.

Конечно, поем. Сейчас себе приготовлю. Я вообще-то люблю завтраки, хотя некоторым кажется, что на них проявить фантазию сложно. С них я, в общем-то, и начала реорганизацию нашего флагманского...

Год назад

Когда я докладываю бабушке о своих наблюдениях, она сразу говорит:

– Воруют, сволочи! А ты их не спросила, почему меню на сайте отличается от реального?

– Спросила, конечно. Официант сказал, что сайт находится в стадии разработки. Поэтому там пока висит старое, но потом они разместят новое. Почему в меню нет подробного описания ингредиентов и выхода блюд, я тоже спросила. Он на меня посмотрел, как на врага народа. Ага, ты же знаешь, бабуль. Если выхода нет, то поди разбери, сколько там чего должны положить.

– Точно воруют! Ну что ж, технологическую карту ты у них потребовать не могла. Ты не Роспотребнадзор, но вот по ингредиентам и выходу блюд официант был обязан проконсультировать. И что он ответил?

– Новенький, еще не знает. А почему в меню нет, тем более, не в курсе. – Я смеюсь. – Бабуль, понятно, почему клиенты уходят.

У деда принцип – все должно быть прозрачно. Никаких подводных камней. Ему доверяют, но и он для всех – нараспашку. Понятно, что это видимость. Но именно в ресторанах эта видимость полностью соответствует действительности. Или соответствовала? Или дед, старея, выпустил ка-

кие-то вещи из-под контроля?

Вадим тогда в ресторане смотрит на меня недовольно и чуть ни шикает. Когда официант отходит, он мне заявляет:

– Это неприлично! Зачем ты уточняешь подобные вещи?! У тебя есть деньги... Хорошо, ты хозяйка и пришла сюда неофициально. Но обычного клиента, которым ты прикидываешься, такое поведение плохо характеризует. Типа, ты жадная. У тебя есть деньги, но ты копейки считаешь.

– Какие копейки, Вадим? – я не понимаю, о чем он. – Так работать непрофессионально. Так работать нельзя!

Но бабушка понимает все с полуслова. Она обещает поговорить с дедом. Посоветоваться. И в любом случае, просить его назначить меня на должность управляющей рестораном.

Сразу сложно все переделать. Подготовка меню, состава блюд – процесс не такой быстрый, как некоторым кажется. Мало составить технологическую карту. По ней на кухне должны готовить, допуская совсем незначительные отклонения.

В первую очередь было бы проще переделать сайт. Да, как

ни странно, проще подстроить сайт под меню, чем наоборот. Одна только типография сколько стоит – бумага отличного качества, нужное количество экземпляров. А до этого – макет, подготовка к печати...

Но я иду не самым простым путем – я прошу для начала в ресторане ввести в меню завтраки. И об этом оповестить на сайте. Остальное пока не меняется. Для завтраков мы распечатываем меню, как для бизнес-ланчей или летних предложений, – на обычных листках бумаги. Некоторые рестораны и их печатают «дорого-богато», но я специально делаю с точностью наоборот. Единственная роскошь – крафтовая бумага.

Листки с меню на завтрак раздают на улице, раскладывают в ближайших офисных центрах. Завтраки я называю, как бумагу, – «крафтовыми». У нас в универе читали на эту тему лекции: «Крафтовый бизнес – это эксперимент, это что-то необычное, неповторимое. Высокого качества и обычно подороже». Сейчас это модно, и поможет привлечь в ресторан не только солидных дядечек на обеды и ужины, но и молодежь, которая может себе позволить заплатить немало за завтрак.

Да, приходится сотрудников просить открывать ресторан не с полудня, а с восьми утра. Для этого я ввожу смены и нанимаю дополнительный персонал. Затраты? Но я надеюсь окупить свой «крафтовый» утренний проект.

Сижу с нашим шеф-поваром и обсуждаю часами меню.

Казалось бы, такое простое меню завтраков! Но как же непросто ломать стереотипы и просить отойти от обычной яичницы, тостов, каш и сосисок! Мне самой приходится сначала изучить подобные завтраки в самых модных заведениях Европы. Идеи-то у меня всегда для завтраков были, но надо соотносить мечты, планы с местными продуктами, возможностями, затратами.

Люди сразу к нам повалили валом! Я не ожидала, что мои завтраки станут популярными в одно мгновение! Молодые официанты, способные поболтать с клиентом, не переходя границы, бодро прибегают рано утром в ресторан. Наверное, они все «жаворонки». И я радуюсь, видя, как они с энтузиазмом разносят заказанные блюда, кофейники и чайники по залу.

Знала бы я, что ждет впереди...

Но завтраки – реально, мой любимый прием пищи! Как начнешь день, так он и продолжится! Несмотря ни на что! В общем, Митрич, погоди!

Сейчас

Итак, спаржа – шесть штук. Митрич притащил замороженную, но ничего страшного. В ресторане тоже приходилось заказывать такую же. Два яйца. Разрезаю на две половинки небольшой французский багет. Режу на тонкие кусочки бекон.

Вытаскиваю из духовки противень. М-да, давненько им не пользовались! Мою, отскребаю. Кладу на него половинки багета. Теперь надо приготовить яйца также, как пашот.

На багет кладу спаржу, потом бекон, потом яйца и посыпаю натертым твердым сыром. Пока сыр расплавляется, а багет подрумянивается, готовлю голландский соус. Когда он начинает в кастрюльке пузыриться, вынимаю багет и поливаю соусом.

Митрич, видимо, идет на запах.

– Что это? – спрашивает.

– «Крок мадмуазель». Попробуйте, – я готова поделиться второй половинкой багета, но Митрич отказывается. А зря!

Митрич снова уходит, а я с удовольствием съедаю свой завтрак с большой чашкой кофе. И головная боль быстро отступает без всяких таблеток.

Свой багет я назвала «Крок мадмуазель», потому что существуют классические «Крок месье» и «Крок мадам». А почему нет «Крок мадмуазель»? Я исправила это недоразумение, и наша мадмуазель пользовалась стабильным спросом.

Вадим на завтрак предпочитал сосиски. Следуя именно его вкусам, в ресторане мы сделали плотный завтрак «Альмань».

Год назад

Мы с ним познакомились на дне рождения у Егора. Он его праздновал с размахом в одном из ресторанов деда – так уж у нас было принято. Брату тогда исполнилось двадцать три. Он только что закончил юрфак, а Вадим был его однокурсником.

Мне было семнадцать. Я заканчивала школу, и ничего не соображала. Судя по некоторым моим поступкам, я и сейчас не очень хорошо разбираюсь в жизни. Но тогда совсем дело было плохо.

Егор сразу нас представил друг другу. Народу собралось много, и представлял он мне далеко не всех. Егор вообще не отличается манерами, поэтому плюет на всех и вся. Но вот с Вадимом решил познакомить. Потом говорил, что тому я очень понравилась, и он подумал – почему бы нет.

Родился Вадим в Оренбурге. Там до сих пор живет его родня. Я их в первый раз увидела на свадьбе, хотя просила Вадима меня свозить к нему на родину.

– Смотреть там нечего! – отрезал он. – Захолустье!

С момента нашего знакомства мы ни разу ни с кем из его родных не виделись. Вроде, кто-то приезжал в Москву. Но Вадим нас не знакомил.

– Они слишком простые люди. Тебе будет неловко.

Мне становилось неловко не из-за его родственников или

места, где он вырос. А из-за таких слов. Я начинала думать, когда успела показать свое отношение к людям, у которых просто меньше денег чем у меня. Вроде, не случилось такого. Я никогда свысока ни к кому не относилась.

В нашей семье за это «отвечают» мама, Егор и Арсения. Дед может поставить на место любого, но он скорее общается с людьми панибратски, чем фамильярно или свысока. Если дед переходит на формальное общение – всё, пиши-пропало! Значит, человек сделал что-то не то. Бабушка, тем более, не позволяет себе унижить человека. В отличие от деда, даже если тот проштрафился.

Оля, моя старшая сестра, росла не избалованной, потому что вся балованность досталась родившемуся буквально через два года Егору. Оле мама постоянно что-то поручала, говорила об ее обязанностях по дому, как старшей из детей. И часто оставляла нас на ее попечение.

Как ни странно, постепенно я стала замечать, что именно Вадим, а не я, относится к другим свысока, особенно к обшуживающему персоналу. При этом у него весьма странные принципы: неудобно обсуждать цены, возвращать еду, если с ней явно что-то не так. Он говорит: «Не устраивай скандалы». Хотя назвать такие вещи скандалом можно с большой натяжкой.

После нашего знакомства, на первом же свидании Вадим заявил, что цветов девушкам не дарит.

– Цветы – это пустая трата денег. Они быстро завянут.

Тебе ничего даже на память не останется. В общем, от меня букетов не жди.

В семнадцать лет подобное заявление мне показалось оригинальным. А потом я привыкла, что от Вадима цветов «ждать» не нужно. Более того, начала всем объяснять, как это правильно. Своеобразное цветочное вегетарианство.

Подарки Вадим тоже делал своеобразно.

– Ты сама себе можешь купить что угодно. Поэтому мне неловко тебе что-то покупать. У меня не те возможности.

Никакие доводы о том, что мне просто приятно его внимание, не действовали. Я из-за этого старалась купить ему на праздники подарок подороже. С одной стороны. Но чтобы его не унизить, с другой. Это было сложно. Я старалась справиться. Правда, у меня подарки Вадим брал совершенно спокойно. А мне почему-то было все равно неудобно...

Глава 8

Год назад

Ехать к дедушке боюсь! У нас два предмета для разговора: моя работа во флагманском и моя свадьба. Обе темы могут мне стоить нервных клеток – у деда всегда есть на любую тему собственное мнение, и оно далеко не всегда совпадает с мнением собеседника.

Конечно, я понимаю, что дедушку надо бы навестить. Но пока мне не позвонил его помощник, я никак не могла решиться проявить инициативу.

– Кариночка, не бойся. Вам нужно поговорить! – бабушка у нас оптимистка, и она считает, что все будет отлично. – Ты его любилица!

Вот уж не замечала! У нашего деда любимцев нет. Мне так кажется. То есть, да, он любит Сергея, как родного. Но на этом, пожалуй, его пристрастия заканчиваются. Как же Катерина и бабуля? Это отдельная история, и в любом случае назвать их «любимицами» я ба не смогла.

– Карина, добрый день, вас бы хотел видеть Вениамин Арнольдович, – голос Сергея звучит, как обычно, сухо.

– Как он себя чувствует?

– В пределах нормы для его состояния, – витиевато отвечает дедов помощник. Я бы в жизни так не сформулировала!

В общем, еду. Сергей предложил отпраздновать за мной водителя, но я отказалась. Мне лучше взять такси и в дороге подумать о предстоящей беседе. Я уж знаю дедушкиного водителя – он считает своим долгом вести беседы за жизнь. Вообще не умолкает. Таксиста заткнуть можно. Платишь деньги – имеешь право на тишину. Многие обижаются, ну и фиг с ними.

Сергей меня проводит в гостиную. Сижу и не знаю, чего ждать.

– Вам принести что-нибудь? Бокал вина? Оливки? Сыр? Я отказываюсь. Слишком волнуюсь, хотя следовало бы успокоиться.

– Бокал вина, да, – говорю я вслед.

Вскоре дверь открывается, и в комнату въезжает дед в инвалидном кресле последней модификации. Он ловко управляется со всеми кнопками, будто управляет автомобилем.

– Привет! – голос стал куда бодрее. И то хорошо. – Вино правильно заказала. Мне только привезли из Франции. Попробуй. Много не дам. Но на флагманский для своих хватит. Эх! – дед тяжело вздыхает, и я уверена, что он печалится по поводу своего здоровья. Но нет. – Санкции! Заколебали! Мало того, что моя яхта простаивает! Эти сволочи еще и хотят пустить ее с молотка! Так и толком вина не попьешь...

– Деда, я нашла неплохие наши вина. Вполне!

– Вполне?! Ты издеваешься?! – дед крутит кресло и «причаливает» к столу. – Ладно, извини. Другого выхода нет. Импортозамещение, ядрить-колотить.

Себе он тоже просит налить.

– Что ж мы как нелюди? А закуска где? Давайте, тащите нам закусить. И можно сразу вторую бутылку, – распоряжается дед. – Ко мне внучка приехала. Надо отметить.

Конечно, никто деду не посмеет возразить. Ему не рекомендовали пить, но врач сразу сказал: «Если так ему легче, пусть пьет». Тем более, что наш дед не алкоголик, не злоупотребляет.

Мы поднимаем бокалы.

– Будь здоров, дедуль! – желаю я ему.

– Ну и тебе не хворать! – поддерживает тост за здоровье дед. – Итак, – говорит он, поставив бокал и прожевав оливку, – начнем с простого. Флагманский твой. Я давно подозревал, что-то неладное. Но другие точки отнимали время. А потом и здоровье подвело. Наводи порядок. Даю зеленый свет. Но осторожно. Никого не дразни там особо. Копай потихоньку. Как по минному полю. Поняла?

Киваю. Дедушкина присказка «как по минному полю» много раз спасала меня от опрометчивых шагов. Впрочем, я все равно умудряюсь вляпываться в говно...

– Твоя идея с завтраками отличная. Когда-то в нашей стране все общепиты начинали работать с обеда. Обед и ужин в ресторане или кафе – нормально. А вот завтраки...

Но сейчас народ совсем обленился. Они уж и яичницы себе сварганить не могут. — Дед устает от долгой речи.

Он делает еще один глоток вина и кидает в рот оливку. Рука двигается уже вполне нормально. Врачи говорят — самая проблема теперь в ногах. Но они в полном восторге от нашего дедули: он ежедневно делает упражнения, тренируется изо всех сил. Однако восстановление идет медленно.

— Нам любая их лень на руку, — продолжает дед, восстановив дыхание. — Не хотите готовить, мы за вас это сделаем. Бутер не можете сварганить поутру, мы сварганим. В общем, правильная идея.

Я улыбаюсь. Этот участок пройден. Со вторым вопросом я надеюсь, мы справимся быстро. Меня куда больше волновали рабочие вопросы. Но дед сразу дает добро, и я успокаиваюсь. С облегчением наливаю нам с ним вина, и грызу настоящий пармезан.

— Ну что ж, у нас есть с тобой еще одна проблема, — дед смотрит на меня, прищулив глаза, — не так ли?

Он про свадьбу. Эх, что делать. Обсудим. Но на душе легко. Я смирилась с тем, что выйду замуж с наскока. Быстро. Мама там уже вовсю изучает каталоги свадебных платьев и просматривает меню, которые ей присылают мелким оптом наши рестораны. Все ведь соревнуются за право обслуживать свадьбу внучки Вениамина Арнольдовича. Кто б сомневался!

— Так вот, не нравится мне эта идея. И она ведь не твоя,

Карина? – неожиданно произносит дед с интонацией, которая ничего хорошего не обещает. – И что вам, бабам, неймется замуж?

– Не моя, – я стараюсь не врать деду. Помню, в детстве он все мои враки разоблачал мгновенно, что меня безумно удивляло. Потом многому нашлось логическое объяснение, но осадочек от проявленных дедом способностей остался. – Понимаешь, дедуль, Вадим, узнав о твоей болезни, решил, что нам надо побыстрее не просто жениться. Именно устроить свадьбу...

Дед меня перебивает:

– Ага, пока я не помер? Вот фиг вам!

– Нет, дедуля, ну что ты говоришь! Вадим говорит лишь о быстротечности времени. Вот такая штука с тобой случилась. Он говорит, что мы не знаем ничего про будущее, не хочет тянуть... Все мы не вечны...

– Ха-ха! – дед опять встречает. – Не хочет тянуть – вот в это я верю! Быстротечность времени, – передразнивает он меня. – Нет у меня к нему веры.

Мое чертово чувство противоречия, как когда-то в школе, мешает мне мыслить здраво и прислушаться к словам деду. Но это я понимаю сейчас. В тот момент, когда мы сидели с дедом в его гостиной, я все больше склонялась к мысли, что Вадим прав. Ведь дед болен. Прогресс, несмотря на все его усилия, слишком медленный. Врачи говорят о риске повторного приступа. Поэтому деду нельзя волноваться,

следует избегать стрессов. А вот положительные эмоции ему только на пользу.

– Почему ты не доверяешь Вадиму? – уточняю я. – Он давний друг Егора.

Вот уж не думала тогда, что это огромный минус, а не плюс!

– О! Скажи мне, кто твой друг! Ладно, смотрю я, ты твердо решила выскочить замуж. Выскакивай. – Дед вздыхает. Он явно устал. – Давай, выпьем по глоточку, и я покачусь на процедуры. Заколебало, Карин, это все. Бесит меня неспособность!

Дед протягивает чуть подрагивающую руку с бокалом вина. Мы чокаемся. Я ничего не успеваю сказать. Он быстро разворачивается на своем суперкресле и на довольно большой скорости уезжает из комнаты.

Я остаюсь сидеть в полной тишине. Лишь тикают дедовы старинные часы. Это наши семейные. Каждый вечер перед сном на них подтягивают гирьки, и они продолжают свой ход. Бабушка любит петь старую песню про старинные часы...

Сейчас я вспоминаю слова из песни: «Пусть непроглядна ночь и одинок мой дом, еще идут старинные часы»[1]... Как это верно! Прямо про меня сказано...

[1] Автор слов песни Илья Резник

Когда я еду от деда, мне по очереди звонят мама и бабуш-

ка. Обоим я рассказываю о нашем разговоре: радостно про работу, грустно про свадьбу.

– Не бери в голову, детка! – тарыхтит мама в трубку. – Дед твой вечно ворчит. Он и моего мужа, то есть, твоего отца не любил и не любит. Это у него ревность. Ревнует нас, девченок, – смеется. – А он что ли сам идеальный? Нет, конечно. Если идеального мужа искать, так в девках и просидишь.

– Мам, а вдруг он прав? Вон папа у нас пьющий. И особо на работе не напрягается. Все ему дед на блюдечке преподнес. А папа сидит на зарплате. Хотя мог бы сделать суперкарьеру!

– Детка, тут не угадаешь, что от чего произошло. Понимаешь, папа ведь не сразу был пьющим. Так, потихоньку скатился. А дед его вечно попрекал, тыркал, даже оскорблял. Кому это понравится? Не справлялся твой папа с работой, но не всем же быть бизнесменами. А тем более, олигархами, как дед. Ты сколько знаешь у нас в стране олигархов?

– Ну-у-у, – мычу я, – сколько-то знаю... Дядя Саша, например...

– Дядя Саша!!! – мама хохочет. – Вот именно. Узкий круг! Не каждому это дано! Короче, с человеком может всякое случиться. Это правда. Может спиться, может не справиться с работой. Но твой Вадим старше отца, когда мы с ним женились. Ему двадцать восемь. Посмотри на Егора. Уже видно, что пьет, – мама горестно вздыхает, – и работать не любит. Избалованный. И в отца. Вадим совсем другой. Вообще не

понимаю, почему они дружат.

– Противоположности притягиваются, – предполагаю я.

– Наверное. Короче, детка, не обращай внимания на деда. И, кстати, приезжай ко мне в ближайшее время. Я тут столько платьев для тебя подобрала! Но если заказывать из Италии, то надо быстрее. Пока со всеми этими санкциями привезут... ну сама понимаешь.

Обещаю маме приехать поскорее.

Бабушка разговаривает в своей манере. Но суть ее слов сводится к тому же:

– Не слушай ты этого старика! Я с ним поговорю. Твоя мама пусть не лезет. На ней подготовка к свадьбе. А на мне – твой дед. Вот ведь уже и развелись, а толку чуть, – ворчит бабуля, но я знаю, что ей приятна её незаменимость. – Тоже выискался психолог! Ума палата. Да, мы женщины хотим замуж. И что в этом плохого? Ты, Кариночка, не вечно же будешь во флагманском пахать. Нужно семью строить, деток рожать...

Мне пока не до «деток», и в ресторане работать нравится. Но бабуля, как и мама, старой формации. Лучше не спорить.

– И дед твой вовсе не идеальный! – вторит бабушка маме. – Если бы ты знала, если б ты знала!

Мне уже давно интересно, что такого творил дед: бабуля постоянно произносит эту фразу – «Если б ты знала!». Понятно, что он не сахар, но видимо там кроются какие-то тайные истории. Я в курсе, что в девяностых дед вел дела круто.

Никого не щадил из конкурентов. Запугивал, выживал, как мог. Подробности он рассказывать не любит.

– Сейчас не лучше, – говорит. – Только видимость создали: типа у нас интеллигентный бизнес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.